

УДК 811.161.1'06

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-154-162

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРИСТАВОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© Анна Родионова, Светлана Родионова, Татьяна Григорьева

CURRENT TRENDS IN THE SEMANTICS AND FUNCTIONS OF FOREIGN-LANGUAGE PREFIXES IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE EARLY 21ST CENTURY

Anna Rodionova, Svetlana Rodionova, Tatyana Grigoreva

The article studies active processes occurring at the word-formation level of the language; it analyzes the borrowed prefixes frequently used in recent decades within the modern media space, namely: *super-*, *hyper-*, *mega-*, *ultra-* with the intensifying meaning, *anti-*, *counter-* with the meaning of opposition and *quasi-*, *pseudo-* with the meaning of falsity (fake). Based on examples from the National Corpus of the Russian Language, the article describes new trends in the development of semantics and grammatical properties of these prefixes, highlighting the autonomous nature of prefixes and their ability to be used as different parts of speech – as an adjective (both in postposition as a predicate and as a detached attribute), as a noun (declinable and indeclinable), including proper names (names of various stores, companies, etc.), as adverbs, interjections and, syncretically, combining the features of several parts of speech. Apart from that, we focus on their different graphic design: quotation marks, brackets, a hanging hyphen, an ellipsis; in addition, the analyzed prefixes perform accentuating functions and the functions of attracting and holding the addressee's attention; they set a certain system of intra-textual connections and the reader's orientation in the text space.

Keywords: word formation, semantics, foreign-language prefixes, active processes in the modern Russian language, intensification

В статье рассматриваются активные процессы, происходящие на словообразовательном уровне языка: анализируются заимствованные приставки *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-* с интенсифицирующим значением, *анти-*, *контр-* со значением противопоставления и *квази-*, *псевдо-* со значением ложности (мнимости), которые в последние десятилетия активно употребляются в современном медийном пространстве. С опорой на примеры из Национального корпуса русского языка описываются новые тенденции в развитии семантики и грамматических свойств этих приставок, отмечаются автономный характер префиксов и их способность употребляться в качестве разных частей речи – прилагательного (как в постпозиции в роли сказуемого, так и в функции обособленного определения), существительного (склоняемого и несклоняемого), в том числе имен собственных (названий магазинов, компаний и т. п.), наречий, междометий, а также синкретично, объединяя признаки нескольких частей речи. Кроме того, обращается внимание на их разное графическое оформление: в кавычках, в скобках, с висячим дефисом, с многоточием – и отмечается, что анализируемые префиксы выполняют акцентующие функции, функции привлечения и удержания внимания адресата, задают некую систему внутритекстовых связей и ориентации читателя в пространстве текста.

Ключевые слова: словообразование, семантика, иноязычные приставки, активные процессы в современном русском языке, интенсификация

Для цитирования: Родионова А., Родионова С., Григорьева Т. Актуальные тенденции в семантике и функционировании иноязычных приставок в русском языке начала XXI века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 154–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-154-162

Мониторинг активных процессов в современном русском языке является несомненно важным в нашу эпоху динамичного развития всех его уровней не только для выявления актуальных тенденций в развитии языковой системы, но и для осмысления специфики современной русской языковой картины мира. «Язык выступает одним из ярких, точных и глубинных манифестаций коллективной психологии этноса. Именно поэтому он может и должен служить тестом для диагностики истинного отношения народа к тому или иному явлению жизни. Все это в полной мере относится и к культурным моделям освоения пластов чужой культуры, иноязычных смыслов» [1, с. 223–224].

Богатейший материал для наблюдений и обобщений дает в этом плане словообразовательный уровень русского языка, который в последние годы становится объектом пристального интереса лингвистов (см., например, коллективные монографии и сборники статей: [2], [3], [4], [5] и др.). В них отмечается, в частности, что «в развитии словообразовательной системы русского языка <...> задействованы разные факторы – от морфонологических до когнитивных и социокультурных, учет которых необходим при исследовании динамики любых словообразовательных единиц» [3, с. 6]. Именно поэтому представляется весьма важным наблюдение за постоянным процессом изменений в семантике и функционировании словообразовательных формантов, в том числе иноязычного происхождения.

Нельзя не отметить, что сегодня наблюдается активизация словообразовательных элементов, вошедших в систему русского языка уже достаточно давно, но «развивших свой деривационный потенциал именно в последние десятилетия, таких как *гипер-*, *супер-*, *пост-*, *экс-* и др.» [6, с. 11]. Они становятся «действенным аксиологическим средством в русском медийном словотворчестве», демонстрируя, например, «такую особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки («моральная страстность», по А. Вежбицкой)» (ср.: *суперучебные заведения*, *мегаожидания*, *мегаежовые рукавицы*), или такую специфически русскую «оценочную реакцию говорящего, направленную на деэзавуирование ложной претензии (развенчание пошлости) или дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов» [7, с. 36], которая наблюдается при использовании приставок *псевдо-*, *квази-* (ср.: *псевдосамодостаточность*, *квазизапреты*).

Особое внимание исследователей на протяжении уже нескольких десятилетий обращается

на интенсифицирующие префиксы, прежде всего иноязычного происхождения, такие как *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-*, *архи-* (см.: [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14] и др.). Отмечается, что эти приставки, кроме выражения усилительного или размерного значения, могут передавать положительную или, наоборот, отрицательную, в том числе ироническую, оценочность (*гиперопека*), а также восприниматься как все более усиливающие семы (*супермаркет* – *гипермаркет* – *мегамаркет*), причем приставка может приобретать «ранее несвойственное значение степени, превышающей степень, выражаемую приставками *супер-* и *гипер-*» [15, с. 211].

Достаточно часто наблюдается нарушение «системных семантических (лексикограмматических) ограничений» [14, с. 67] при образовании ряда окказиональных неологизмов. Речь идет о присоединении приставок к именам собственным (*анти-Запад*, *анти-«Асса»*) (см. об этом также: [5, с. 99]), к аббревиатурам (*анти-ВИЧ*), словосочетаниям (*псевдо-Верка Сердючка*, *анти-Никита Михалков*), иноязычным корням в латинской графике (*анти-iPhone*), а также о явлении гиперпрефиксации (*супергипермагазин*) [14, с. 70–71]. Упоминания о способности прежде всего приставки *супер-* (гораздо реже *гипер-* и *ультра-*) выступать и в качестве аффикса, и в качестве корневой морфемы (в самостоятельном и несамостоятельном употреблении), в качестве средств номинации и предикации [10], способных порождать новые дериваты (*суперский*, *суперски*, *суперявый*), также встречаются в ряде работ (см., например: [8], [9], [13] и др.).

Чрезвычайно активное и даже, с точки зрения некоторых исследователей, избыточное и необоснованное использование иноязычных приставок *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *мульти-*, *контр-*, *пост-* ведет к «смысловой и культурной деформации» [8, с. 283], переосмыслению «ценностей, культурных кодов, концептов, которые быстро укореняются в массовом сознании» [8, с. 288].

Нам трудно согласиться с мнением указанных авторов о «смысловой и культурной деформации» в свете нашей позиции, в частности об особенностях реализации категории интенсивности в современном русском языке. С нашей точки зрения, «интенсификация – это количественная модификация качества, отражающая отклонение от „нормальной“ меры и делающее это качество существенным (релевантным) для говорящего» [13, с. 231]. В таком случае коммуникативная цель интенсификации состоит во многом в том, чтобы в целях более эффективного воздействия на адресата «ввести в высказывание аффективный компонент значения» [16, с. 111].

В этом смысле присоединение интенсифицирующих приставок к основам не только с положительной, но и с отрицательной оценочностью, а также многократная интенсификация представляются в современном русском языке вполне оправданными (*суперугольник Родя, делаем из мегагрязной сковороды новую и чистую*).

В то же время происходит и «снижение чувствительности» коллективного адресата к интенсифицирующим префиксам. Названия магазинов, компаний, брендов, конкретных товаров, включающие эти префиксы или представляющие собой их эмансипацию («Ультра», «Мега», «Гипер» и т. п.), утрачивают новизну и уже не обеспечивают свежести восприятия и силы воздействия. Это запускает встречные процессы: варьирование синонимичных префиксов, гиперпрефиксацию, употребление названных элементов в стилистической фигуре иронии, в высказываниях, выражающих языковую рефлексию. В связи с этим убедительной выглядит позиция исследователей о том, что сегодня «динамика словообразовательных интенсификаторов связана с амбивалентным характером семантики ... префиксов *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *сверх-* и др. с широким диапазоном оценок: от позитивных, указывающих на высокое качество денотата, до иронически-негативных и даже уничижительных» [11, с. 15].

Интересно в этом отношении мнение С. М. Колесниковой о том, что образование дериватов с указанными приставками «способствует реализации трех основных функций: семантических (например, выражение модального, оценочного и градуального значений), стилистических (например, средство гиперболизации, градации, сравнения, метафоры и проч.) и контекстных (манипулятивных и оценочных и др.)» [10, с. 106].

Таким образом, мы отмечаем большое внимание исследователей к изучению использования иноязычных приставок в начале XXI в. и множество существенных наблюдений над особенностями их семантики. Вместе с тем анализ их современных текстовых употреблений показывает, что выявляются новые, еще не рассмотренные тенденции в развитии их значений, грамматических свойств и особенностях функционирования. Причем анализ этих тенденций представляется нам весьма важным для понимания коммуникативных стратегий и тактик говорящих, особенностей мышления нашего современника, отражения его аксиологических приоритетов.

В нашей работе мы обращаемся к анализу иноязычных приставок *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-*, *экстра-* *анти-*, *контр-*, *квази-*, *псевдо-*,

экс-. Источник текстовых материалов – Национальный корпус русского языка 2000–2020 [17].

1. Прежде всего обращает на себя внимание стремление авторов сталкивать между собой, противопоставлять значение слов с приставкой и без нее. Например: «– *А вот еще наперсточники и шулеры... – Протестую! Гипер наперсточники и гипершулеры* (Сергей Носов, 2015)» [17]; «*Эта картина Павла – анти – „Черный квадрат“* (Л. А. Данилкин, 2016)» [17]; «... *Создать некую особую, свою оппозиционную интеллигенцию, своего рода контр культуру. Но чтобы получилось „контр“*», *нужна культура* (Денис Драгунский, 2011)» [17]. В последних двух случаях, кроме противопоставления, подчеркивается и тесная связанность противоположных явлений: не может быть анти-«Черного квадрата» без «Черного квадрата», контркультуры без культуры и т. п.

2. В ряде случаев приставка вступает в различные семантические отношения с другой приставкой в базовом слове. Их значения могут:

1) противопоставляться: «*Рецензии эти ... обе одинаково критичны к американскому историк, обвиняя его одна в анти-, а другая в проамериканизме* (Геннадий Горелик, 2004)» [17], при этом антонимичные приставки могут использоваться для создания определенного парадокса. «*Не левая, не правая, не проправительственная, не анти; серенькая, без рекламы* (Олег Зайончковский, 2008)» [17] – здесь, кроме того, используется риторическая фигура диатеза – прием утверждения некоего среднего, промежуточного качества, возможного между двумя противоположностями;

2) суммироваться и вступать в отношения уточнения: «...*Информационность ... показывает также свою иную сторону – псевдо (анти) информационность* (А. Н. Ильин, 2016)» [17]; «*Нужно либо рассматривать рок как капиталистический продукт „массовой культуры“, либо провозглашать его бунтарской суб(контр-) культурой* (Анна Зайцева, 2020)» [17], то есть эта информационность одновременно и ложная, и отрицательная, а массовая культура – противоположна «нормальной» культуре, культуре в истинном смысле этого слова;

3) или просто отождествляться: «... *в киоске в супер (гипер) маркете на выставке* (Радуга настроений у вас дома, 2010)» [17] – нет разницы между приставками *супер-* и *гипер-*, попытка их различения – всего лишь ненужная попытка дифференциации принципиально не различающихся смыслов.

3. Распространена языковая игра, при которой одна приставка соотносится с различными

именными частями речи. Такие фрагменты текста напоминают «словообразовательные каскады» (Е. А. Земская). В обнаруженных нами примерах фиксируется автономное использование приставки: «„Роллинги“, „Дорз“, „Лед Зеppelin“ – волосы до пояса, полуголые, гиперзвук, гипер-экспрессия, все у них – гипер (Владимир Киришин, 2002)» [17]; «Загадка „интер“ (интерпсихического, интересубъективного) тревожит умы всех психологов (Г. А. Цукерман (2004))» [17]. Эта «эмансипация приставки» (по В. И. Изотову) помогает подчеркнуть многообразие, многогранность реализации обозначенного приставкой признака.

4. Весьма интересный, новый и необычный с точки зрения орфографии прием наблюдается, когда иноязычные префиксы начинают использоваться как вставные конструкции в скобках. С точки зрения семантики при этом создается сложная и нестандартная модификация значения базового компонента – слова. Рассмотрим несколько примеров: «(Анти) герой не развивается, он в конце точно такой же, как в начале (Л. А. Данилкин, 2009)» [17]; «В итоге он превращается в нечто вроде Фарятева, еще одного (анти) героя советского кино (Наталья Дерикот, 2018)» [17].

Здесь мы наблюдаем диффузию значений многозначного слова: Максимус и Фарятев – герои в значении «лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды» [18, с. 35], но они также антигерои, принципиально лишённые героических черт, но выступающие при этом «доверенным лицом» автора, персонажи, воплощающие отрицательные черты и качества.

Несколько иную модификацию значения исходного слова мы встречаем с другим примером: «(Анти) герои фильма – взявшийся за оружие мести детский врач и его жена – по-прежнему живут общей культурной памятью со своими сегодняшними врагами и вчерашними соотечественниками (Оксана Саркисова, 2003)» [17]. При этом акцентируется элемент «герой» уже в первую очередь не потому, что идет речь о главном персонаже (протагонисте), чувства которого автор и вместе с ним читатель понимает и в какой-то мере разделяет, но потому, что в «дурные времена» именно он может уже восприниматься как собственно герой, некий идеал для нерешительных, слабых либо корыстных людей, который все же отстаивает справедливость или защищает близких. Таким образом, в отчленении приставки анти-, подчеркивании ее необязательного соотношения с опорным словом и создании некоей контекстуальной синонимии про-

тивоположных понятий *герой/антигерой* проявляется специфика современной концептосферы с ее отрицанием идеала морально незапятнанного героя, неспособного или не желающего отступить от нравственных или юридических норм даже ради победы добра и справедливости – и, к сожалению, терпящего поражение от беспринципных, но гораздо более жизнеспособных злодеев.

Ср. также: «Журнал „Бюллетень ученых-атомщиков“, основанный американскими (анти) коллегами Сахарова (Геннадий Горелик, 2004)» [17]. Подчеркивается, что атомщики – коллеги, то есть трудятся на том же научном поприще, но в то же время они его противники и конкуренты в создании этого вооружения, некие «товарищи-враги».

В подобные же отношения с базовым словом вступает и приставка *контр-*, например: «Событие революции обладает здесь собственным (контр) осуществлением ... т. е. прерыванием истории, внезапной смертью смешанного животного-человеческого типа социальной жизни (И. М. Чубаров, 2014)» [17]. Таким образом, в искусстве, эстетике авангарда революция как осуществляется (ведь оно само по себе революционно по отношению к традиционному искусству), так и «контросуществляется», то есть происходит остранение восприятия революции, демонстрация возможностей ее иного воплощения или понимания.

Распространены и аналогичные примеры употребления в качестве вставных конструкций приставок: *суб-, квази-, псевдо-*. Тем самым выражается оттенок сомнения и в полноценном соответствии явления названному типу, но одновременно и в несоответствии: «Заводные товарищи из Бельгии, представители тамошней уличной (суб) культуры (Алексей Крижевский, 2002)» [17]. Здесь автор подчеркивает, что можно воспринимать творчество «товарищей из Бельгии» и как общезначимую и ценную для всех культуру, и как субкультуру, отличающуюся от доминирующей культуры. «Констатация того, что сознание „есть“, будет дополнена характеристикой его структуры как (квази) пространственной (Е. В. Петровская, 2010)» [17]. То есть сознание можно охарактеризовать как имеющее пространственную структуру, но не совсем, а «квази».

Может употребляться в качестве вводной конструкции и интенсифицирующая приставка (например, *ультра-*): «Посмотрел главы об (ультра) традиционализме... – возникло чувство, что еврейская нация заново осознает себя именно в этом веке (М. С. Харитонов, 2004)»

[17]. В данном случае приставка выступает в фигуре коррекции, автоуточнения: автор говорит о традиционализме настолько ярко выраженном, что его можно назвать и ультратрадиционализмом и т. п.

5. Приставки в последние десятилетия часто превращаются в самостоятельные лексемы с характеризующей, оценочной функцией. Их морфологические и синтаксические свойства могут быть различными, но чаще всего они выступают в качестве прилагательных, причем обычно в постпозиции, в роли сказуемого: «*Мероприятия... в общем супер!*» (Форум: Универ (институт) VS школа, 2011)» [17]; «*А „дю солей“ это супер, это считается лучший цирк мира*» (Форум: Поход в цирк, 2010)» [17]. Обращает на себя внимание отсутствие дифференциации и обоснования оценки: как по своим грамматическим характеристикам, так и по специфике значения данные лексемы сближаются с междометиями (они выражают эмоцию, но уже практически не называют ее).

Заметим, что прилагательное может дистанцироваться от опорного существительного: либо происходит разрыв предикации при помощи анафорического местоимения *это*, либо между ними ставится многоточие. Но такого дистанцирования может и не быть, то есть использование *супер* в роли прилагательного становится все более привычным: «*Зачем тебе быть привязанной к чему-то или к кому-то? Это напрягает, а свобода – супер!*» (Гузалия Ариткулова, 2018)». Также *супер* может выступать в роли обособленного определения: «*На вокзале стоит ему бронзовый памятник. Класс, а не памятник, супер!*» (Вячеслав Стефаненко, 2019)».

Кроме приставки *супер-*, получившей широчайшее распространение в качестве самостоятельного слова, наблюдается, хотя и значительно более редкое, использование других интенсифицирующих приставок: «*Считалось, что на категорию „экстра“ это заведение не тянет*» (Анатолий Салуцкий, 2019)»; «*Уж очень мы гипер-гипер, что не то что, всех пауков, всех мужчин раздавим*» (Форум: Гипер-женщина, 2013)». Отметим, что здесь говорящему недостаточно интенсификатора *гипер-*, он прибегает к редупликации, а кроме того, к использованию наречия *очень*, что, по сути, создает уже плеоназм.

При этом иногда мы наблюдаем саморефлексию автора по поводу выбора такого характеризующего прилагательного, соотносении его с более распространенным применением: «– *И Марк, и генерал – женихи высший сорт, экстра! Видела, на шоколаде бывает написано „экст-*

ра“? Вот так и твои женихи» (Вацлав Михальский, 2009)».

Мы можем увидеть в подобном использовании и приставки с другими, не интенсифицирующими значениями: «*Я не очень люблю религию „анти-...“ В религии „анти-...“ есть дьявол, но нет бога*» (Форум: Иран. История и мышления, 2012)» [17]. Обратим внимание на разное графическое оформление приставок: в вычках / без, с висячим дефисом / без, иногда даже с многоточием.

При расширении автономного употребления интенсифицирующих приставок отмечается также их употребление в качестве наречий: «*Оперативники сработали супер*» (Владимир Емельяненко, 2014)» [17]. Следующий этап освоения этих автономных приставок – использование в качестве междометий: «– *Нормальная хата? – Не пожалеешь. Хозяйка богатая... – Супер! – потер ладони Боб*» (А. В. Кивинов, 2012)» [17]. Можно усмотреть и переходное между прилагательным и междометием, синкретичное употребление лексемы *супер*: «*Денег Боб не нашел. Запихивал в рюкзак все, что, по его мнению, представляло ценность. О, тетрис! Супер!*» (А. В. Кивинов, 2012)» [17].

6. С точки зрения развития процесса «эмансипации приставок» обратим внимание на усиление частотности случаев превращения приставок в имена существительные (полноценные склоняемые, или несклоняемые, или с «рудиментарным» висячим тире). В этом случае элемент значения, выражаемый приставкой, выступает на первый план как дифференциальный признак предмета. Родовой же, интегральный признак остается без экспликации. Для каждой приставки характерен какой-либо определенный тип обозначаемых предметов. Так, *гипер* – это, как правило, технические средства или информационные технологии (в фантастике, например, *гипер* – мощный компьютер, управляющий обществом): «*Возможность иметь 3-х членов экипажа и нормальный гипер*» (Форум: Звездные войны, 2011)» [17]; *ультра, экс* – человек: «*Звезда кабары, / современная ультра*» (И. Н. Вирабов, 2015)» [17]; «*Я решила, что серебряная охотничья фляга (одоленная у одного из моих „экс-“) будет практичнее*» (Марина Палей, 2008)» [17].

В то же время приставка *супер-*, активно переходящая в имя существительное со значением «человек» в конце XX в., практически утратила эту способность в наше время: в Национальном корпусе русского языка 2000–2020 гг. таких примеров мы не обнаружили.

Интересен случай использования в качестве имени существительного приставки *квази-* в ро-

мане С. Лукьяненко. Произведение с тем же названием, но со смешанной графикой («Квази») посвящено сосуществованию живых людей и «возвысившихся» зомби, обретших разум. В мире этого романа все люди после смерти превращаются в зомби, но при этом они неразумны. Через определенное время некоторые зомби имеют шанс обрести разум и приблизиться по своим качествам к живому. Эти разумные зомби – *квази* – организуются в особый социум, они почти люди... но все же не люди, что и отражено в их наименовании.

«Эмансипация» рассматриваемых нами иноязычных приставок проявляется и в нейминге – образовании имен существительных собственных – названий различных магазинов, компаний и т. п., например: *Гипермаркет Гипер Лента в Уфе; радио Ультра запускает виртуальную ультра-полку; Магазин цифровой техники Ультра в Калининграде; Транспортная компания «Экстра» в Уфе; Оптовая компания «Гипер» в Санкт-Петербурге* и т. д. Как видим, в этих случаях используются в основном приставки с интенсифицирующим значением, подчеркивающим высокое качество, использование передовых технологий, масштабы магазина или компании.

Таким образом, в функционировании современных иноязычных префиксов прослеживаются противоположные тенденции: с одной стороны, к автономизации приставок, а с другой – к усилению их контекстных связей. В этом обнаруживается двойственная природа морфем: они являются носителями четко ограниченного значения, но их значение неавтономно.

В то же время, как указывает В. А. Плунгян, «между прототипической автономной словоформой и прототипической неавтономной морфемой имеется целый ряд промежуточных случаев, между которыми достаточно трудно... провести жесткую границу» [19, с. 20]. Чаще, как отмечает исследователь, автономная словоформа превращается в морфему. Но возможен и противоположный процесс постепенной автономизации морфемы, который связан с «отрывом» морфемы от ее хозяина-слова и укоренением в структуре предложения или текста. И, конечно, префиксы, как наиболее автономные морфемы в слове, в первую очередь реализуют эту тенденцию. Ученые связывают это и с русификацией неразложимых прежде заимствованных основ, членность которых начинает осознаваться рядовыми носителями языка [6].

Приставки могут вступать в связь одновременно с двумя словами в тексте, противопоставляя их (*шулер – гипершулер*); в связь с другой

приставкой на основе той же производящей базы или изолированно, создавая фигуры парадокса (... *обвиняя его одна в анти-, а другая в проамериканизме*), диатезы (*не левая, не правая, не проправительственная, не анти; серенькая*), коррекции (*сверх- (но не анти!-) разумный опыт*); с тождественной приставкой в других словах, создавая словообразовательные каскады (*гиперзвук, гипер-экспрессия, все у них – гипер; загадка «интер» (интерпсихического, интерсубъективного)*). Выступая в качестве вставной конструкции, приставки оказываются принадлежностью целого предложения, выражая тонкие и сложные оттенки мысли, которые возможно выявить и сформулировать опять же в рамках целого предложения. Роль префиксов в предложении пишущие пытаются эксплицировать разнообразными пунктуационными способами: скобками, кавычками, многоточиями, обычным или «висячим» дефисом, сочетанием дефиса с восклицательным знаком и т. п.

С другой стороны, в итоге такого употребления (или в результате параллельного с ним процесса) префиксы превращаются в самостоятельные слова, уже не вступающие в сложные семантические и формальные связи с остальным предложением. Предельный случай этого процесса – нейминг, при котором морфемы становятся названиями брендов, фирм, предприятий, компаний.

Описанные процессы можно считать одним из аспектов такого явления, как имитация разговорной непринужденности речи в современном устно-письменном синтаксисе. Таким способом создается эффект некоей предварительности и эскизности передачи выражаемой мысли (*сверх- (но не анти!-) разумный опыт; провозглашать его бунтарской суб- (контр-) культурой*). Осуществляется экспликация самого процесса мышления в речи, и читатель становится свидетелем этого процесса, что создает эффект его близости к автору. Также мы наблюдаем эффект дробного, «мозаичного» мышления, которое вообще характерно для современной «клиповой» цифровой коммуникации.

Предсказуемо, что в этом процессе в наибольшей степени оказываются задействованы интенсифицирующие префиксы (*гипер-, супер-, мега-, экстра-, ультра-*), которые служат для привлечения внимания адресата, а в итоге для управления этим вниманием; префиксы, выражающие идею неподлинности или устарелости предметов и явлений (*квази-, псевдо-, экс-*), которые также помогают манипулировать мнением читателя, формируя его отношение к этим предметам и явлениям; и, наконец, префиксы, выра-

жающие идею противоположности (*анти-, контр-*), задающие некую «сетку», систему внутритекстовых связей и систему ориентации читателя в пространстве текста. Таким образом эти префиксы выполняют акцентирующие функции.

Такие же достаточно продуктивные префиксы, как *гипо-, де-, диз-, интер-, инфра-, пост-, про-, суб-*, в минимальной степени участвуют в рассмотренных выше процессах. Они либо выражают идею ослабления признака, его недостаточности, предварительности, что «не очень выигрышно» в плане осуществления речевого воздействия, либо осуществляют частные, достаточно специфичные модификации значений именных частей речи (*интер-, пост-, про-*). В последнем случае исходные процессы в использовании префиксов прослеживаются, но редко, в книжной, «элитарной» речи. Вспомним серию книг «Pro et contra», посвященных общественной оценке деятелей философии или политики, выражения типа *пред- и постнагрузка на сердце, пред- и постоперационный период* в медицине.

Изучение динамических процессов, связанных с развитием семантики, грамматических свойств и функционированием иноязычных приставок в русском языке, позволяет, как сквозь призму, увидеть наиболее актуальные тенденции в русском словообразовании и грамматике начала XXI в. Это и активизация такой деривационной модели, как именная префиксация, и образование новых, часто «полуоказиональных» словообразовательных гнезд с использованием в том числе различных иноязычных приставок, и возникновение грамматического класса полифункциональных лексем, в разных контекстах функционирующих то как прилагательные (*Цирк – супер*), то как наречия (*Оперативники работали супер*), то как междометия (*О, тетрис! Супер!*), нерасчлененно как существительное и прилагательное (*Мой экс-муж не любил нашу кошку. Вот теперь он и «экс»!* – Он кто? Он какой?) и т. д., и, конечно, активнейшее оказиональное и потенциальное словообразование.

Последние процессы, связанные со словообразовательными инновациями, особенно интересны, так как, с одной стороны, позволяют наблюдать, как каждый говорящий и пишущий может создавать любые производные лексемы с иноязычными приставками, реализуя их деривационный потенциал с целью выражения самых разных оттенков смысла, в том числе эмоциональных и оценочных, и используя их в аффективной и стилистической функции (*моя экс-квази-теща, мегасомнительный проект, анти-вдохновляющий процесс* – подобные примеры в

любом количестве можно найти на сайтах и особенно в чатах Интернета), а с другой стороны, открывают возможности для языковой игры, реализации окказиональных моделей гиперпрефиксации, эмансипации приставок, субституции.

Рассмотренные нами тенденции, как нам кажется, убедительно подтверждают мнение современных исследователей о том, что «языковые инновации на уровне словообразования редко возникают спонтанно, сами по себе – чаще всего за их порождением стоят специфические интенции говорящего и адресата, их коммуникативные потребности, нетривиальная тематика общения и обстановка речи, особенности интеракции коммуникантов, их коммуникативных стратегий, тактик и пр.» [20, с. 103]. В этом смысле словообразование усиливает свою роль как действенного инструмента познания окружающей действительности, так и уникального по своим возможностям средства выражения важных для говорящего смыслов и оценок.

Список источников

1. Радбиль Т. Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 20. С. 218–227.
2. Активные процессы в русском языке новейшего периода / Отв. ред. Т. Б. Радбиль. М., 2022. 232 с.
3. Динамические аспекты русского словообразования / Под ред. О. И. Дмитриевой и О. Ю. Крючковой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2021. 228 с.
4. Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект. М., 2023. 176 с.
5. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2021. 328 с.
6. Потапова Г. А. Функционирование иноязычных морфем в русском языке на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис ... канд. филолог. наук. М., 2014. 24 с.
7. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
8. Злотникова Т. С., Гапонова Ж. К. Наш русский супер-гипер-мульти-проект // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 280–289.
9. Кадыров Ф. Ф. К вопросу о морфемном статусе языковой единицы: супер- и супер в современной русской речи // Русский язык в школе. 2012. № 8. С. 74–78.

10. Колесникова С. М. Образования с мега-, гипер-, супер- и их функции в языке современных СМИ // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. М., 2019. С. 105–111.
11. Коряковцева Е. И., Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 6–19.
12. Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. 2023. № 84 (6). С. 69–80.
13. Родионова С. Е. Категория интенсивности и словообразовательные средства ее выражения в современном русском языке // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство. Самара: Самарский университет. 2010. С. 231–237.
14. Шишикина А. А. Префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 66–72.
15. Шишикина А. А. Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Саратов: Наука, 2009. С. 207–217.
16. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УУРС, 2002. 280 с.
17. Национальный корпус русского языка. 2000–2024. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.09.2024).
18. Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Антигерой // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 35
19. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
20. Радбил Т. Б., Ясаи Л., Палоши И. В. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 101–121.
- Kryuchkovi. 228 p. Saratov, izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russian)
4. Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V. (2023). *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: funktsional'no-dinamicheskii aspekt* [Modern Russian Word Formation: Functional and Dynamic Aspects]. 176 p. Moscow. (In Russian)
5. *Russkii yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyi i pragmaticheskii aspekty: kollektivnaya monografiya* (2021) [The Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects]. Pod red. L. V. Ratsiburskoi. 328 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)
6. Potapova, G. A. (2014). *Funktsionirovanie inoyazychnykh morfem v russkom yazyke na rubezhe XX-XXI vekov: avtoref. diss ... kand. filolog. nauk* [The Functioning of Foreign Language Morphemes in the Russian Language at the Turn of the 20th–21st Centuries: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 24 p. (In Russian)
7. Radbil', T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). *Slovoobrazovatel'nye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt* [Word-formation Innovations Based on Borrowed Elements in the Modern Russian Language: A Linguoculturological Aspect]. *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 33–39. (In Russian)
8. Zlotnikova, T. S., Gaponova, Zh. K. (2017). *Nash russkii super-giper-mul'ti-proekt* [Our Russian Super-Hyper-Multi-Project]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 4, pp. 280–289. (In Russian)
9. Kadyrov, F. F. (2012). *K voprosu o morfemnom statuse yazykovoї edinitsy: super- i super v sovremennoi russkoi rechi* [On the Morphemic Status of a Linguistic Unit: Super- and Super in Modern Russian Speech]. *Russkii yazyk v shkole*. No. 8, pp. 74–78. (In Russian)
10. Kolesnikova, S. M. (2019). *Obrazovaniya s mega-, giper-, super- i ikh funktsii v yazyke sovremennykh SMI* [Language Units with Mega-, Hyper-, Super- and Their Functions in the Language of Modern Media]. *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii*. Pp. 105–111. Moscow. (In Russian)
11. Koryakovtseva, E. I., Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2021). *Dinamika otsenochnykh intensifikatorov v russkom yazyke XXI v.: slovoobrazovatel'nyi i semanticheskii aspekty* [Dynamics of Evaluative Intensifiers in the Russian Language of the 21st Century: Word-Formation and Semantic Aspects]. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie*. T. 20. No. 5, pp. 6–19. (In Russian)
12. Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2023). *Slovoobrazovatel'nye i leksicheskie intensifikatory v sovremennom russkom yazyke: aktivnye protsessy* [Word-Formation and Lexical Intensifiers in Modern Russian: Active Processes]. *Russkii yazyk v shkole*. No. 84(6), pp. 69–80. (In Russian)
13. Rodionova, S. E. (2010). *Kategoriya intensivnosti i slovoobrazovatel'nye sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Intensity and the Word-Formation Resources of Its Designation in Modern Russian]. *Yazyk – tekst – diskurs: traditsii i novatorstvo*. Pp. 231–237. Samara, izd-vo “Samarskii universitet”. (In Russian)

References

1. Radbil', T. B. (2019). *Aktivnye leksiko-grammaticheskie protsessy v russkom yazyke nachala XXI veka: problema lingvokul'turologicheskoi interpretatsii* [Active Lexical and Grammatical Processes in the Russian Language of the Early 21st Century: The Problem of Linguoculturological Interpretation]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 20, pp. 218–227. (In Russian)
2. *Aktivnye protsessy v russkom yazyke noveishego perioda* (2022) [Active Processes in the Russian Language of the Recent Period]. *Otv. red. T. B. Radbil'*. 232 p. Moscow. (In Russian)
3. *Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya* (2021) [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. *Pod red. O. I. Dmitrievoi i O. Yu.*

14. Shishikina, A. A. (2010). *Prefiksial'nye novoobrazovaniya nestandardnoi slovoobrazovatel'noi struktury v rossiiskikh SMI* [Prefixal New Formations of Non-standard Word-Formation Structure in the Russian Media]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie. No. 1 (11)*, pp. 66–72. (In Russian)

15. Shishikina, A. A. (2009). *Osobennosti funktsionirovaniya novoobrazovaniy s imennoi prefiksatsiei v yazyke sovremennykh rossiiskikh SMI* [Features of the Functioning of New Formations with Nominal Prefixation in the Language of Modern Russian Media]. *Razvitie slovoobrazovatel'noi i leksicheskoi sistemy russkogo yazyka*. Pp. 207–217. Saratov, izd. Tsentr "Nauka". (In Russian)

16. Vol'f, E. M. (2002). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. 280 p. Moscow, Editorial UURS. (In Russian)

17. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (2000–2024)* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 22.09.2024). (In Russian)

18. Gal'tseva, R. A., Rodnyanskaya, I. B. (2001). *Antigeroi* [The Antihero]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. P. 35. Moscow, Intelvak. (In Russian)

19. Plungyan, V. A. (2000). *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General Morphology. Introduction to the Problem]. 384 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

20. Radbil', T. B., Yasai, L., Paloshi, I. V. (2022). *Linguopragmaticheskii potentsial aktivnykh protsessov v russkom neologicheskom slovoobrazovanii noveishego perioda* [The Linguopragmatic Potential of Active Processes in the Russian Neological Word Formation of the Latest Period]. *Nauchnyi dialog*. T. 11. No. 1, pp. 101–121. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2024

Поступила в редакцию 14.11.2024

Родионова Анна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450076, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3-а;
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
aer1969@mail.ru

Родионова Светлана Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
rse14@mail.ru

Григорьева Татьяна Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
tagrig8@mail.ru

Rodionova Anna Evgen'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University,

3-a October Revolution Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation;
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
aer1969@mail.ru

Rodionova Svetlana Evgen'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
rse14@mail.ru

Grigoreva Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
tagrig8@mail.ru